

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ И РАСШИРЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ: КОММЕНТАРИЙ К «ДРУГОЙ ЖИЗНИ» БОРИСА ДОКТОРОВА

Очерк Бориса Доктора, который мы публикуем по случаю его недавнего юбилея, не только содержит положенную в таких случаях информацию о профессиональном пути юбиляра. Это настоящее небольшое биографическое исследование, case study, в котором объект — он сам и его «другая жизнь» в течение шести тысяч дней.

Главная тема «исследования», запечатленного в заметке, по свидетельству самого автора, — возвращение социолога в свою профессию. В тексте сказано и об использованном материале — кипы дневников («вахтенных журналов»), ежедневная таблица дел, выполненных почти за десять лет, обширная переписка с коллегами, — и о цели «исследования», и о его методах.

Коллеги, прочитавшие заметку Б. Доктора, единодушно подчеркивают увлекательность чтения, литературный талант автора. Это само по себе заслуживает уважения, но вряд ли является главным в данном случае. А главное в том, что ими отмечается оригинальность не только литературных, но и научных приемов. Один из них — сочетание «житейского взгляда» с научным, что в биографическом исследовании способствует движению навстречу друг другу биографического и исторического. *А. Черняков*, научный редактор одной из книг Бориса Доктора, пишет: «...я в очередной раз поразился Вашему умению на редкость гармонично сочетать приватный, житейский взгляд на биографические события (в данном случае — события Вашей жизни) с взглядом аналитическим и типологическим. Порознь мемуары и биографическая хроника — это бывает, но чтобы это были сообщающиеся сосуды, чтобы одно перетекало в другое... да, тут остается только уважительно снять шляпу и раскланяться. В результате у Вас сливаются “макро” и “микро”, “большое время” (бахтинский термин) и время частной жизни, история и биография...» Видимо, эту авторскую особенность соединять плохо соединяемое *В. Ядов* шуточно назвал «талантом совмещать “правосторонние” способности с “левосторонними”».

Б. Фирсов также подметил роль времени в докторовском жизнеописании, отношение ко времени, различимое и как прием анализа, и как жизненная позиция. «Помогают понять жизнь маркеры времени, — пишет Фирсов. — Я не знаю ни одного человека, кроме тебя, кто бы мог отчитаться за каждые сутки прожитой жизни. Гений целеустремленности, так можно назвать автора рассказа». По мнению Фирсова, именно это помогло Доктору создать автопортрет, который «теперь никто и никогда ни с кем не спутает».

Значительное влияние на идею биографического анализа, осуществленного Докторовым, оказал *А. Алексеев* и его «социологическая ауторефлексия». А потому его отклик на заметку о шести тысячах дней я цитирую почти полностью: «...получилась классика профессиональной ауторефлексии, переплетенной с жизненной (в которой “производственная” линия является доминантной), предельно лаконичная и емкая. Для меня это особенно близко еще и потому, что собственная биография становится социологическим материалом, а не просто жизненным отчетом.

Ты никому не советуешь “воспользоваться своим опытом”, но ненавязчиво поучительно: если хочешь, делай как я, а не хочешь — не делай (мой излюбленный афоризм). С ежедневной же фиксацией и самоотчетом это становится почти любительской “странной жизнью”.

Этот отсчет дней от 1 до 6200, начатый в 1994-м, конечно, был счастливо найденным формализмом, который так заиграл теперь всеми цветами жизненной радуги. Опять же — аутопериодизация жизни (она же и концептуализация), да еще с условными вехами-границами в виде дней-событий, есть особый вклад в научную биографику. (Впредь заслуживает специальной разработки.)...»

Теперь продолжу от себя. Содержательный результат докторовского великолепного самоанализа не поддается обобщению, так как посвящен «штучному» опыту, причем ярко окрашенному личностью самого автора и героя «исследования». И мои ассоциации ведут меня не к научным достоинствам рассказа Бориса Докторова, но к его герою.

Случилось так, что семнадцать лет Докторов живет в Калифорнии. И около половины этого срока мне посчастливилось близко и доверительно — электронная почта этому не помеха — общаться с Борисом. Срок — совсем не большой в масштабах жизни. Но именно в эти годы он на моих глазах сумел совершить решающий рывок и в своей профессиональной деятельности, и в овладении собственной жизнью в новой среде, которые позволили ему вернуться не только в профессию социолога, но и к себе самому. К себе, обогащенному новыми человеческими силами, новыми творческими замыслами и новыми научными результатами.

Докторов уезжал из России, имея отличную репутацию в социологическом сообществе, достижения, известность и имя в науке, степень доктора и профессорское звание. В Америке все пришлось начинать заново. Он прошел довольно суровый этап адаптации, освоил тамошние порядки, воспринял американские повседневные и культурные устои, приобщился к порой поражавшим его воображение достижениям технической цивилизации. О многом он писал и в письмах своим друзьям в Россию, и в опубликованных журналом «Телескоп» небольших рассказах, которые Борис называет

«социологическими повестушками». Теперь их может прочитать каждый, чтобы узнать об американской жизни такие социологические тонкости, которые подмечает только глаз профессионала, и получить настоящее литературное удовольствие. Главное, по этим эпистолярным или очерковым текстам можно проследить путь освоения новой реальности, путь определения себя в ней, который прошел Борис Докторов.

Несколько лет ушло у Докторова на напряженные поиски своей научной темы, которую он мог бы разрабатывать в новых условиях. Ею стали историко-биографические исследования в области изучения американского общественного мнения и рекламы, с одной стороны, а также и российской социологии, с другой. В обоих направлениях он блестяще преуспел. Он сумел не только удержать репутацию и научное имя, но и добиться нечто более масштабного. Я думаю, в частности, что благодаря Докторову исследования российской социологии постхрущевского периода сдвинулись с некой точки замерзания. Им собран и опубликован богатейший биографический материал о российских социологах, ценность которого со временем будет возрастать. Но это лишь часть его работы. Американцам он также кое в чем помог: он рассказал в своих книгах об их национальном достоянии — Джордже Гэллапе, об истории изучения американского общественного мнения и рекламы. Кроме того, Докторов написал основательный труд, анализирующий тонкости избирательной кампании 2008 года, приведшей к власти Барака Обаму. Очевидно, перевод этой монографии на английский язык был бы очень полезен американцам, интересующимся современными политическими процессами в их стране, а также исследователям общественного мнения. Думаю, не менее интересен для них и уже осуществленный перевод книги Докторова «Джордж Гэллап: биография и судьба».

В процитированных мной отрывках из писем Б. Фирсова и А. Алексеева речь идет о применении маркеров времени и аутопериодизации жизни («вехи-границы», «дни-события») как научных приемах Бориса Докторова, способах концептуализации собственной биографии. Я же, взявшись говорить о самом герое, хочу подчеркнуть связь этих приемов с его личностью. Думается, что временное структурирование собственной жизни — это органическая часть его внутреннего «Я», или, выражаясь философски, экзистенции, то есть особенность личного бытия здесь и сейчас. Возможно, тут сказывается присущая Докторову систематичность математика. Внешне это выражается в жесткой самодисциплине и планировании своей научной работы и всей жизни, которая строится вокруг этого стержня. Качество, которому может позавидовать любой исследователь. Требовательное отношение ко времени помогает Докторову сохранять не

только саморефлексивность, целеустремленность в выполнении своих планов, но и критичность по отношению к достигаемым результатам.

Теперь настал момент обратным порядком замкнуть двухгодичный временной круг работы Бориса Докторова над заметкой о шести тысячах дней — от воплощения замысла, с чего мы начали, до его возникновения. Именно без малого два года назад Борис впервые поделился со мной в письме своим намерением написать некую биографическую работу, основанную на самоанализе. А затем еще раз вернулся к тому же вопросу, но уже через пару месяцев. В письмах слегка приоткрываются предыстория и авторский замысел. Отрывки говорят о том, как непросто и не с первого захода давалась эта работа...

24.10.2009, Б. Докторов — Л. Козловой:

«...Где-то внутри уже идет поиск новой темы, не совсем новой, но нового поворота моих биографических поисков... что-то хочется сделать вокруг того, что Андрей Алексеев называет “протоколом жизни”. Так случилось, что еще в Институте социологии я ходил всегда с толстой книгой, в которую все записывал... начал я летом 1985 года, и вот с тех пор я пишу, набралось много “вахтенных журналов”. Это — не рефлексии, не раздумья, не дневники, не выписки из книг, только факты и события. Когда я приехал в Америку, я как-то сразу догадался, что это — начало новой жизни, нового летоисчисления... и с первого дня я записываю не только дату, но день жизни в Америке. Раньше, когда у меня было много внешних событий, я почти никогда не писал “потом”, все — сразу... сейчас я не пишу каждый день, но вспоминаю, что важное было, и все фиксирую; но это — зарубки, напоминания... и все равно мне интересно. Летом будущего года будет точно четверть века записей: около 10 лет в СССР/России и более 15 лет в США... Мне страшно открывать все это... Как-то в разговоре с Татьяной Ивановной Заславской я сказал ей, что один вопрос мы обсуждали с нею ночью в самолете, когда летели в Алма-Ату... Она на меня как-то недоверчиво посмотрела и сказала: “Я никогда не была в Алма-Ате”. Напомнил. Так вот и я — скорее всего — найду то, про что намертво забыл... это ли не открытие?.. Вот и думаю, может и рискну...»

Я тогда ответила Борису, что такая работа заслуживает его усилий и что надо постараться ее сделать, несмотря на все опасения. Еще я написала о том, что вряд ли «протокольность» — ключевое слово, которым можно будет охарактеризовать будущую работу, так как при анализе он всегда использует интуицию, образность, «мысли сердца»... К тому же, написала я, его рукописи сами заговорят с ним... Из второго письма было видно, что работа началась и что тяготение к расширению методологии биографического анализа побеждает естественные сомнения.

09.01.2010, Б. Докторов — Л. Козловой:

«...в начале года подвел итоги работы в Америке за десять лет (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/pub/doktorov.html>), сгруппировал материал по темам, а внутри — по годам... вижу, что начинал все с нуля, с поисков тем, с публикации в местной русской прессе и в маломощных сайтах... но было очень сильное желание вернуться в цех... пять первых лет в Америке я ничего не делал, хотелось отчасти наверстать упущенное время, отчасти — проверить себя, верно ли я делаю, что стремлюсь вернуться... еще во ВЦИОМе я не расставался с амбарной книгой... я все эти книги привез сюда, что-то около 20 “томов”, день-за-днем... сейчас событийный аспект моей жизни весьма хлипкок, но все равно я стараюсь что-то писать.. это не рефлексии, только факты... ты знаешь, и хочется посмотреть в собственное прошлое, и страшновато... все началось в 1985 году... дикий подъем энергии, освободился от докторской, возвращались к жизни Ядов и Фирсов, открывались новые возможности для работы, постоянные поездки на Запад, потом — обрыв всего: Америка... тяжелые первые годы, когда все время думаешь, надо было или не надо было, не бросить ли все сразу и вернуться... потом болезнь сына и понимание того, что надо было... и так далее... невозможно (думаю) все это перечитывать... но как тяготеющий к методологии биографического анализа понимаю, что там многое можно найти... конфликт интересов, возможно, — драма...»

Из жизненного испытания чужбиной, личными трудностями и бедами Борис Докторов вышел очень достойно, заново самоутвердившись в профессии, став американцем и оставшись россиянином. Он нашел свою тему, обогатил профессиональную биографию, проложил новую жизненную стезю. Для многих российских социологов он остается коллегой, желанным собеседником и другом. А для своей семьи — главой и защитником, замечательным дедом внучки Лизуши...

Приняв американскую среду, он остался человеком и ученым с глубокими российскими корнями, корнями потомственного питерского интеллигента. Он не только глубоко погружен в жизнь российского социологического сообщества, но и по-прежнему влюблен в свой родной город и считает его своим домом, помнит и любит российскую поэзию и музыку, мечтает о русской снежной зиме, но при этом умеет радоваться всем краскам своей «другой жизни»...

Л. Козлова